

*Приветствую тебя, жизнь!..  
Я ухажу, чтобы в миллионный раз  
познать неподдельность опыта  
и выковать в кузнице моей, души  
несотворенное сознание моего народа.*

*Джеймс Джойс*

# ПРЕДИСЛОВИЕ

Всю жизнь меня волновал вопрос о природе творчества. Почему оригинальные идеи в науке и искусстве «выскакивают» из бессознательного в то, а не иное мгновение? Какова связь между талантом и творческой деятельностью или между творчеством и смертью? Почему мы получаем удовольствие, когда смотрим пантомиму или танец? Как удалось Гомеру облечь в поэтическую форму столь монументальное событие, как Троянская война, и сделать свою поэму этическим руководством для всей греческой цивилизации?

Я задавал себе, все эти вопросы не как посторонний, а как человек, который сам причастен к науке и искусству. Я задавал их себе из чистого любопытства, наблюдая, например, как художник, смешав два цвета, вдруг получает третий цвет. Благодаря какому уникальному свойству человек на мгновение отвлекся от убийственной эволюционной гонки для того, чтобы на скальных стенах пещеры Ласко или Альтамиры нарисовать прекрасных красно-коричневых оленей и бизонов, которые через столько лет продолжают вызывать у нас восхищение и трепет? На минуту предположим, что чувство красоты само по себе является путем к достижению истины. Предположим, что *красота* — этим словом пользуются физики, описывая свои открытия, — ключ к истинному пониманию реальности. Тогда, может быть, прав был Джойс, говоря, что художники создают

«несотворенное сознание своего народа»?

На страницах этой книги я изложил некоторые свои размышления. Первоначально это был цикл моих лекций, прочитанных в различных университетах. Я всегда сомневался, стоит ли их публиковать, потому что они создают впечатление незавершенности: тайна творчества всегда остается неразгаданной. В конце концов, я понял, что этой «незавершенности» нельзя избежать, поскольку она имманентна творческому процессу. Кроме того, многие из тех людей, которые слушали мои лекции, советовали мне их опубликовать.

Названием я обязан книге Пауля Тиллиха «Мужество быть», которому выражаю свою признательность и искреннюю благодарность. Но *быть* нельзя в пустоте. Наше бытие выражается в творчестве. Творчество — необходимый результат бытия. Творчество требует *мужества*. На этот факт редко обращают внимание при обсуждении проблемы творчества, а еще реже пишут об этом.

В завершение я хотел бы выразить благодарность тем своим друзьям, которые прочитали рукопись и с которыми мы обсудили ее в деталях и в целом. Это Эн Хайд, Магда Денес и Элинор Роберте.

Работа над этой книгой доставила мне необыкновенное удовольствие — ведь у меня была возможность еще раз поразмышлять над всеми содержащимися в ней вопросами. Надеюсь, что и читателям чтение этой книги доставит такое же удовольствие.

*Ролло Мэй Холдернесс, Нью Гемпшир*

# I. МУЖЕСТВО ТВОРИТЬ

**М**ы живем в такое время, когда умирает старая эпоха, а новая еще не родилась. Это становится очевидным, если присмотреться к радикальным изменениям, происходящим в сексуальных нравах, в институте брака, в модели семьи, в образовании, религии, технике и во многих других областях человеческой жизни. А за всем этим маячит угроза атомной катастрофы, которая хотя и отдалилась, но никуда не исчезла. Для того, чтобы сохранить восприимчивость в этом веке неопределенности, действительно требуется мужество.

Нам приходится выбирать. Если мы поддадимся панике и страху, ощущая, что основы нашей жизни рушатся, то, потрясенные потерей привычных точек опоры, мы будем вынуждены покориться охватившему нас параличу и апатией закамуфлировать недостаток собственной активности. При этом мы добровольно откажемся от шанса участвовать в формировании будущего. Мы потеряем существенное свойство человечества — возможность сознательно влиять на развитие общества. Тем самым мы капитулируем перед слепой машиной истории и потеряем шанс на создание в будущем эгалитарного и гуманного общества.

А может быть, перед лицом радикальных перемен мы должны решиться на мужество непременно сохранить свою восприимчивость, сознание и ответственность? Может быть, нам все же следует хотя

бы попытаться сознательно участвовать в создании нового общества? Надеюсь, что мы решимся поступить именно так, — и на этом убеждении основываются мои выводы.

Жизнь заставляет нас все время создавать что-то новое, вступать на ничейную землю, входить в лес, где нет проторенных тропинок, откуда до сих пор никто не возвращался, а значит, некому стать нашим проводником. Такое состояние экзистенциалисты называют страхом перед *ничто*. Жить будущим — значит совершить прыжок в неизвестное, а это требует определенного мужества, на которое решатся лишь немногие.

### Что такое мужество

Понимаемое так мужество не является противоположностью отчаянию, перед лицом которого мы нередко оказываемся — как и многие в нашей стране в последние десятилетия. Кьеркегор, Ницше, Камю, Сартр утверждали что мужество — это не отсутствие отчаяния, это, скорее, способность действовать *вопреки отчаянию*.

Мужество состоит не только в том, чтобы проявить настойчивость — ведь творить нам предстоит совместно с другими. Но если мы не выразим своих собственных аутентичных идей, если не вслушаемся в себя, то предадим самих себя — и свое сообщество, поскольку не сможем внести своего вклада в общее дело.

Мужество — в таком понимании — состоит в том, чтобы всю нашу заинтересованность направить в центр бытия, — в противном случае мы будем воспринимать себя как *ничто*. Внешняя апатия дает ощущение вну-

тренней «пустоты», и если это состояние длится долго, оно перерождается в трусость. Поэтому наша заинтересованность должна касаться самой сути нашего бытия — иначе никакая сопричастность не будет для нас подлинной.

Более того, мужество не следует путать с лихостью. То, что считается мужеством, нередко оказывается просто фанфаронством, маскирующим бессознательный страх, и попыткой доказать свое бесстрашие — как это было у летчиков-смертников во время Второй мировой войны. В итоге такой смельчак позволяет убить себя или становится жертвой полицейской дубинки — что трудно считать адекватным способом доказательства мужественности.

Мужество — это не просто одно из достоинств наряду с другими ценными личностными качествами — такими, как любовь или верность. Мужество — это основа всех других добродетелей и ценностей и условие их проявления. Без мужества наша любовь тускнеет и превращается в обыкновенную зависимость. Без мужества наша верность перерождается в конформизм.

Английское слово *courage* (мужество) имеет одинаковый корень с французским словом *coeur*, обозначающим сердце. Точно так же, как сердце, качая кровь к рукам, ногам и мозгу, обеспечивает физиологию органов, мужество делает возможным существование душевных добродетелей. Без мужества другие наши добродетели отмирают и становятся бледными копиями.

Мужество необходимо человеку для того, чтобы состоялось его *бытие* и *становление*. Чтобы «я» стало реальностью, необходимы уважение к себе и вовле-

ченность в общий процесс. Этими качествами человек отличается от других творений природы. Желудь становится дубом благодаря естественным силам роста — никакого его участия при этом не требуется. Точно так же котенок становится котом — им руководит инстинкт. Для таких существ их природа и их *бытие* — одно и то же. Но человеческое существо становится действительно человеком только благодаря сознательному выбору и своему участию в нем. Человек приобретает значимость и достоинство путем множества ежедневно принимаемых решений. Принятие этих решений требует мужества. Вот почему П. Тиллих говорит об онтологическом мужестве: оно является условием нашей жизни.

### Физическое мужество

Это наиболее простая и наиболее понятная разновидность мужества. В нашей культуре физическое мужество связывается с легендами о колонизации Запада. Нашими предками были герои-переселенцы, которые создали свои законы, которые выжили благодаря тому, что им удавалось выхватить оружие быстрее, чем их противникам, которые рассчитывали только на себя, которые справились с неизбежным одиночеством, живя в домах, удаленных от соседних не менее чем на двадцать миль.

Однако теперь ярко проявляется противоречивое наследие колонизации Запада. Тот вид мужества, которым так гордились наши предки, теперь не только утратил свою значимость, но и переродился в жестокость. В детстве я жил в небольшом городке на Среднем Западе. В то время господствовало убеждение, что мальчишки

должны драться между собой. Но наши матери думали иначе, поэтому мы сначала дрались в школе, а потом за то, что дрались в школе, дома получали взбучку. Трудно признать это хорошим методом формирования характера. Как психоаналитик я постоянно слышу о мужчинах, которые в детстве не умели быть жестокими и не научились подчинять себе других. И в результате они всю жизнь считают себя трусами.

Среди так называемых цивилизованных народов американцы слывут наиболее жестокими. Количество убийств в нашей стране в три — десять раз превосходит количество убийств в странах Европы. Одной из существенных причин этого можно считать жестокость времен колонизации Запада, которую мы унаследовали.

Мы нуждаемся в новой разновидности физического мужества, которое, с одной стороны, не превращалось бы в безудержную жестокость, а с другой — не культивировало бы в нас идеала эгоцентрической власти над другими. Я предлагаю новую форму физического мужества: использовать тело не для развития мускулатуры, а для воспитания чувств. Это будет означать развитие способности слушать телом, «мыслить телом», как говорил Ницше. Это будет оценкой тела как объекта эмпатии, выражением собственного «я» как эстетической категории и неиссякаемого источника наслаждения.

Такое понимание тела уже формируется в Америке под влиянием йоги, медитации, дзэн-буддизма и других восточных учений и практик. В восточной традиции тело не осуждается, а обоснованно рассматривается как предмет гордости. Я предлагаю считать такое отношение к телу разновидностью физического муже-



ства, необходимого в новом обществе, к которому мы движемся.

## **Нравственное мужество**

Другим видом мужества является мужество нравственное. Лично и понаслышке я знаю многих людей, которые отличаются огромным нравственным мужеством, людей, испытывающих отвращение к насилию. Взять хотя бы Александра Солженицына, русского писателя, который противопоставил себя могуществу советской бюрократии, протестуя против бесчеловечного, жестокого обращения с заключенными в советских лагерях. Его книги — это пример лучшей современной русской прозы, это громкий протест против физического, морального и духовного уничтожения людей. Нравственное мужество Солженицына тем более поразительно, что он не либерал, а русский националист. Солженицын символизирует собой утраченную в противоречивом современном мире ценность — способность уважать человеческое достоинство уже потому, что перед тобой человек, независимо от политических взглядов. Чем не персонаж романа Достоевского, «родом из старой России» (как говорит о нем Стенли Кунитс)? Солженицын твердит: «Охотно отдам жизнь, если это послужит правде».

Задержанный советской милицией, он оказался брошенным в тюрьму, где, как говорят, его раздели и поставили перед взводом для расстрела. Это была очередная попытка заставить его замолчать — патроны были холостыми. Солженицын выстоял и сейчас живет в Швейцарии, где продолжает играть роль назойливой

мухи, направляя такую же критику и в адрес других стран — например, Соединенных Штатов, где многие аспекты демократии явно нуждаются в

кардинальном изменении. Пока есть люди с нравственным мужеством Солженицына, мы можем быть спокойны, что грозящий нам триумф «человека-робота» наступит не скоро. Мужество Солженицына — так же, как и отвага многих других людей с подобными нравственными качествами, — основано не на одной лишь дерзости, но и на сочувствии человеческому страданию, с которым он столкнулся в советских лагерях. Очень знаменателен тот факт, что, как правило, источником такого нравственного мужества становится умение отождествить себя со страданиями других, что свидетельствует о восприимчивости. Я испытываю искушение назвать это «мужеством постижения», ибо оно зависит от способности постигать, от умения позволить своему «я» видеть страдания других людей. Если мы восприимчивы ко злу, это вынуждает нас противостоять ему. Правда состоит в том, что мы не желаем ни во что вмешиваться, — больше того, мы даже не задаемся вопросом, прийти ли на помощь к тому, кого несправедливо притесняют. Тем самым мы блокируем свое восприятие, закрываем глаза на страдания других и перестаем ощущать эмпатию по отношению к тем, кто нуждается в помощи. Поэтому в наше время наиболее распространенная форма трусости скрывается за словами: «не хочу быть в это замешанным».

## **Социальное мужество**

Третья разновидность мужества представляет собой противоположность вышеуказанной апатии. Я называю его социальным мужеством. Это мужество солидарности с другими людьми, способность поступиться собственным «я» в надежде обрести нечто более важное: человеческую близость. Это мужество внести собственное «я» в качестве вклада в человеческий союз, что требует от каждого предельной искренности.

Человеческая близость требует мужества, поскольку неизбежно связана с риском. Невозможно предвидеть, как повлияет на нас этот союз, поскольку он подобен химическому соединению веществ: если один из нас изменится, то изменимся мы оба. Сможем ли мы в этом союзе более полно реализовать себя или такое соединение уничтожит нас? Только в одном мы можем быть уверены: если мы рискнем прочно связать себя таким союзом, то это непременно окажет на нас влияние. В наше время люди предпочитают избегать трудного пути обретения мужества, необходимого для достижения истинной человеческой близости. Сведение проблемы к привычному физическому мужеству переносит акцент на тело. В нашем обществе легче обнажиться физически, чем психически или духовно, — легче делиться телом, чем мечтами, надеждами, страхами и стремлениями, поскольку они считаются более личностными, чем тело, а значит, поделившись ими, мы становимся беззащитными. По каким-то непонятным причинам мы стыдимся делиться самым для себя важным. Поэтому люди стремятся к более «безопасной» связи, сразу

переходя к сексу: ведь тело — это только предмет, и его можно рассматривать механически.

Однако близость, которая начинается на физическом уровне и им ограничивается, оказывается искусственной, и мы пытаемся спастись бегством от пустоты. Истинное социальное мужество предполагает близость на многих уровнях личности одновременно. Только таким образом можно преодолеть отчуждение личности. Нет ничего удивительного в том, что знакомству с новыми людьми одновременно сопутствуют и страх, и радость ожидания: когда мы ближе сходимся с людьми, то достижение каждого нового уровня близости сопровождается новой радостью и новым страхом. Каждая новая встреча может быть предвестником нашей будущей судьбы, а также возможностью обретения новой радости, которую несет с собой истинное познание другого человека.

Социальное мужество состоит в том, чтобы противостоять двум видам страха. Их хорошо описал один из первых психоаналитиков Отто Ранк. Первый вид страха он назвал «страхом перед жизнью». Это боязнь самостоятельной жизни, боязнь быть отвергнутым, потребность в зависимости от кого-то другого. Она проявляется в полном отказе от своего «я», и в результате от этого «я» уже ничего не остается. В итоге такой человек становится блеклой тенью того, кого любит, и рано или поздно наскучивает партнеру. Ранк назвал это страхом перед самореализацией. За сорок лет до возникновения феминистического движения Ранк утверждал, что данная разновидность страха наиболее типична для женщин.

Противоположный по своему характеру страх Ранк назвал «страхом смерти». Это страх перед полным поглощением другим человеком, страх потери независимости. Такой страх, утверждал Ранк, наиболее характерен для мужчин, которые всегда стараются оставить дверь открытой, чтобы иметь возможность поспешно отступить, если связь грозит стать слишком близкой.

Если бы Ранк жил в наше время, то согласился бы с тем, что обоим видам страха одинаково подвержены как мужчины, так и женщины, хотя, определенно, в разных пропорциях. Всю жизнь мы проводим между двумя этими страхами. В действительности, это два лица одного и того же страха, который, притаившись, ожидает каждого, кого волнует судьба другого человека. Пытаясь сознательно преодолеть эти два страха, следует стремиться не только развивать собственное «я», но и участвовать в «я» других, что является необходимым условием самореализации.

Альбер Камю в «Изгнании и царстве» описал историю, которая иллюстрирует эти два противоположных вида мужества. «Иона, или художник за работой» — это рассказ о бедном парижском художнике, который с трудом зарабатывает на хлеб для жены и детей. И вот когда художник уже находится при смерти, его лучший друг открывает полотно, над которым тот работал. Это был чистый холст, посередине которого мелкими буквами неразборчиво написано одно слово: не то *отъединенный* (одинокий, стремящийся держаться подальше от событий, сохранять спокойствие духа, необходимое для вслушивания в свое глубинное «я»), не то *тообъединенный* («живущий в шуме», солидарный, сопричастный, то есть

«отождествляющий себя с массами», как это описано у Карла Маркса)<sup>1</sup>. Несмотря на явную противоположность этих понятий, и *отъединение*, и *объединение* равно необходимы художнику, если он творит не только для своих современников, но и для будущих поколений.

## Парадокс мужества

Перед нами возникает удивительный парадокс, характерный для всех видов мужества. Мы усматриваем, казалось бы, явное противоречие в том, что, начав действовать, *мы должны полностью отдаться делу и в то же время осознавать, что можем совершить ошибку*. Это диалектическое противоречие между убежденностью и неуверенностью свойственно высшим уровням мужества и разоблачает наивное представление, отождествляющее мужество с обыкновенным развитием.

Люди, претендующие на абсолютную истинность своих аргументов, опасны. Такая убежденность лежит в основе как догматизма, так и родственного ему, но более разрушительного фанатизма. Эта убежденность не только препятствует усвоению новой истины, но и невольно выявляет собственные бессознательные противоречия. В результате необходимо удваивать сопротивление, чтобы одолеть не только противников, но и свои бессознательные сомнения.

Каждый раз, когда я слышал от политиков из Белого Дома — например, во время слушания нашумевшего дела «Уотергейт» — фразу типа «я абсолютно убежден» или «хочу расставить все точки над I», я насторажи-

<sup>1</sup> У Камю: *solitaire* (одинокий) и *solidaire* (связанный) (фр.). — *Ред.*

вался, поскольку эмоциональная подчеркнутость этих выражений выдавала их неискренность. Удачно написал об этом Шекспир: «По-моему, леди [т. е. политик] слишком много обещает»<sup>2</sup>. В подобной ситуации я чувствую ностальгию по таким лидерам, как Линкольн, который открыто признавался в своих сомнениях и так же открыто защищал свои убеждения. Мы чувствуем себя намного безопаснее, когда людей на вершинах власти, так же, как и нас, гложут сомнения, однако у них хватает мужества идти вперед. В противоположность фанатику, который отгородился от нового опыта, человек, который не боится одновременно верить и признаваться в своих сомнениях, более гибок и более открыт для нового знания. Поль Сезанн был уверен, что открыл новый способ изображения пространства, который совершит переворот в искусстве, но все же его переполняли боль и постоянные сомнения. Отношение между самоотдачей и неуверенностью не антагонистично. Самоотдача более естественна, когда существует не *без*, а *несмотря на* сомнение.

Верить и в то же время сомневаться — это вовсе не противоречие: скорее, это залог большего уважения к истине, это осознание того, что истина всегда первична по отношению к тому, что может быть сказано или сделано. Следовательно, поиски истины — это вечный процесс. Вспомним известное высказывание, которое приписывают Лейбницу: «Я прошел бы двадцать миль, чтобы выслушать моего злейшего врага, если бы таким образом мог чему-то научиться».

<sup>2</sup> У. Шекспир. Гамлет. Акт III, сцена 2 / Пер. Б.Пастернака.  
— *Ред.*

## Мужество творчества

Перейдем к наивысшему из всех видов мужества. Если нравственное мужество способствует уничтожению зла, мужество творчества, наоборот, направлено на создание новых форм, новых символов, новых принципов, на основе которых можно строить новое общество. Каждая профессия может требовать — и, как правило, требует — творческого мужества. В наше время и техника, и дипломатия, и бизнес, и, конечно, образование, — все находится в процессе радикальных изменений и требует отважных людей, которые смогут их оценить и определяют направление их развития. Потребность в творческом мужестве прямо пропорциональна степени изменений, которым подвергаются эти профессии.

И все же непосредственно и намного раньше других открывают новые формы и символы художники: драматурги, музыканты, живописцы, хореографы, поэты, а также религиозные живописцы и поэты, которых мы называем святыми. Они представляют новые символы в виде образов: поэтических, музыкальных, пластических или драматических, — соответствующих той сфере творчества, которой они занимаются. Эти образы ими выстраданы. Символы, которые у большинства людей лишь смутно присутствуют в воображении, художники — выражают в доступных восприятию образах. Воспринимая произведение искусства — допустим, квинтет Моцарта, — мы становимся его сотворцами. При этом мы создаем свой образ — что очень важно, хотя и трудно, особенно если это касается современного искусства, — и ощущаем новые эмоции. Контакт с каждым новым образом вызывает у нас впечатле-



ние, что в нас самих рождается нечто неповторимое. Поэтому восприятие музыки, живописи или других произведений искусства — такой же творческий акт, как и их создание.

Если, воспринимая художественные символы, мы хотим понять их, то мы должны отождествить себя с ними. В пьесе С. Беккета «В ожидании Годо» не содержится никаких интеллектуальных размышлений на тему невозможности взаимопонимания в наше время. Эта невозможность просто *показана*. Особенно ярко она видна в сцене, где Люки приказывают: «Размышляй!» — и он произносит длинную речь, которая по сути не более чем набор слов, хотя по форме напоминает философский монолог. Глубже погружаясь в пьесу, мы видим полную неспособность людей к настоящему взаимопониманию, что на сцене гораздо заметнее, чем в жизни.

В пьесе Беккета фигурирует одинокое голое дерево как символ отчуждения, символ пустоты, в которой двое мужчин ожидают Годо — который никогда не придет. Это пробуждает в нас такое же чувство отчуждения, которое мы переживаем сами и которое переживают другие. Тот факт, что множество людей не отдает себе ясного отчета в собственной отчужденности, еще более усиливает это состояние.

В пьесе Юджина О'Нила «Вот идет продавец льда» никто не говорит о разрушении нашего общества: это разрушение показано как сама действительность. В пьесе не говорится о достоинстве человеческого рода — оно символически представлено на сцене как пустота. Поскольку человеческого достоинства так явно

Конец ознакомительного фрагмента.

Для приобретения книги перейдите на сайт  
магазина «Электронный универс»:

[e-Univers.ru](http://e-Univers.ru).